

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОЕННО-МОРСКОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Русская военно-морская теоретическая мысль во второй половине XVIII—первой половине XIX в. решала большие задачи. Она разрабатывала пути развития военно-морского флота, стратегию и тактику применения военно-морских сил в различных условиях. Большое внимание уделялось обучению и воспитанию личного состава флота.

Русские военно-морские деятели рассматривали флот как нераздельную часть вооруженных сил. Известная формула петровского морского устава о значении для России флота — «Всякой потентат, которой единое войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а которой и флот имеет, обе руки имеет»¹ — оставалась на протяжении всего времени основанием военно-теоретических взглядов адмиралов Ф. Ф. Ушакова, Д. Н. Сенявина, В. М. Головнина и многих других передовых деятелей отечественного флота. Боевой опыт, полученный в войнах со Швецией, Пруссией, Турцией и Францией, подтвердил правильность этого положения. Свое конкретное воплощение и дальнейшее развитие идея единства сухопутной армии и военно-морского флота того времени получила в русско-ту-

¹ «Книга „Устав морской“». СПб., 1785, стр. 1.

репкой войне 1787—1791 гг. и в действиях флота на Средиземном море в 1798—1800 гг., в ходе Архипелагской экспедиции Д. Н. Сенявина.

Однако в начале XIX в. интерес царя и его сановников к флоту падает. В этот период реакционные представители правящих кругов феодально-крепостнической России гр. А. Р. Воронцов, И. И. Траверсе, А. В. Моллер и другие выдвинули идею о ненужности сильного флота для России. Так, председатель Комитета образования флота А. Р. Воронцов в своем докладе (1802 г.) писал: «По многим причинам, физическим и локальным, России быть нельзя в числе первенствующих морских держав, да в том ни надобности, ни пользы не предвидится»². Руководствуясь этой установкой, царское правительство сократило ассигнования на строительство кораблей. Существующие суда простаивали в портах, гнили. Яркую картину упадка флота нарисовал В. М. Головин в книге «О состоянии российского флота в 1824 г.», опубликованной 30 лет спустя после смерти ее автора под псевдонимом мичмана Мореходова. Он писал: «... протекло уже несколько лет, как Россия не высала в море не только своего флота, но даже ни одной значительной части, а плавали ежегодно лишь одне, из малого числа состоявшие, эскадры для практического упражнения экипажей и в переходах из Архангельска в Кронштадт, да и сии плаванья свои обыкновенно совершали в лучшее время года, когда не терпели они ни бурь, ни бедствий»³.

Головин, Сенявин и другие прогрессивные военно-морские деятели решительно выступили против теории, отрицавшей необходимость флота для России. «Эти говоруны, — писал Сенявин, — ничего не знают и не понимают, они похожи, как кажется мне, на глухих тетерев глухих, бормочут с ними одинаково, как говорится: ни сладу, ни ладу, с той только разницей, что тетерева во время бормотания вредны для себя, а наши глупцы вредят много государству, их слушают и соглашаются иногда с ними»⁴.

² Ф. Веселаго. Краткая история русского флота, вып. II. СПб., 1895, стр. 306.

³ Мичман Мореходов. О состоянии российского флота в 1824 г. СПб., 1861, стр. 44—45.

⁴ Цит. по кн.: В. Гончаров. Адмирал Сенявин. М.—Л., 1945, стр. 114.

Головин руководил постройкой военных судов на Балтийском и Белом морях. В те годы было построено 25 линейных кораблей и большое число фрегатов, тендеров и других судов. С именем Головина связана постройка первых 10 пароходов: «Проворный», «Легкий», «Спешный», «Ижора» были построены Ижорским судостроительным заводом, «Охта», «Нева», «Опыт» — Петербургской верфью, «Надежда» — Александровским литейным заводом, а «Нарва» и «Аракс» строились в Архангельске⁵.

Вместе с тем он принимал деятельное, а может быть, решающее участие в разработке стратегической концепции путей развития флота. Он был одним из немногих, кто рассматривал мореходность, прочность и вооружение кораблей в их органической связи и взаимообусловленности. Поэтому Головин уделял большое внимание и усилению артиллерийского вооружения судов, и повышению морских качеств кораблей⁶, и совершенствованию приборов кораблевождения.

По своим мореходным качествам русские корабли не уступали парусным судам великих морских держав. Многочисленные кругосветные плаванья русских кораблей первой половины XIX в. служат тому убедительным доказательством. Один из инициаторов и организаторов кругосветных морских путешествий Н. П. Румянцев с гордостью писал Головину в 1818 г.: «В мореплавании они (англичане. — В. Д.), так сказать, прочим народам старшие братья, но во многих семействах есть примеры, что младшим много удается, минуя старших»⁷. Прилагая большие усилия к совершенствованию всех тактико-технических элементов парусных судов (всех классов), Головин считал, что парусный флот вступает в полосу своего заката, а на смену ему идет паровой флот, и он сделал все возможное для того, чтобы положить первые кирпичи для его создания. Передовые адмиралы и офицеры верно и своевременно оценили значение идей Головина и прилагали большие усилия для преодоления отставания России в строительстве паровых кораблей. Будучи в командировке в Англии (1846—1848 гг.), В. А. Корнилов

⁵ ЦГАВМФ, ф. 7 (В. М. Головин), оп. 1, д. 2, лл. 60—61 об.

⁶ С этой точки зрения представляют значительный интерес «Некоторые замечания о строении судов, предназначенных для дальних плаваний» (В. М. Головин. Сочинения и переводы, т. 3. СПб., 1864. Прибавление ко второй части, стр. III).

⁷ ЦГАВМФ, ф. 7, оп. 1, д. 2, л. 35.

самым тщательным образом изучал все то новое, что появилось в иностранных флотах. «Мое английское путешествие меня теперь весьма занимает, — писал Корнилов М. П. Лазареву. — Я принялся за пароходство и особенно за винт»⁸.

В последующие годы М. П. Лазарев, П. С. Нахимов, В. А. Корнилов и другие доказывали необходимость создания парового флота. Особенно энергичную деятельность развернул Корнилов. Он неоднократно ставил этот вопрос перед высшим морским командованием. В сентябре 1852 г. Корнилов направил начальнику Главного морского штаба адмиралу А. С. Меншикову докладную записку, в которой обосновывал необходимость срочного пересмотра судостроительной программы с тем, чтобы главный упор сделать на строительство паровых кораблей с винтовым двигателем. «Я бы полагал, — писал он, — к перемене этой приступить теперь же. . . Нельзя же Черноморский флот держать на отсталой от других наций ноге и тем, в случае разрыва, предоставить случайностям неравного боя»⁹.

Одновременно с этим выдвигаются предложения о подготовке специалистов для паровых кораблей.

Крымская война 1853—1856 гг. показала полную обоснованность взглядов Сенявина, Головнина, Корнилова, Лазарева и других передовых деятелей флота. Вместе с тем она вынесла приговор тем, кто не замечал и не хотел видеть новых тенденций в развитии флотов великих морских держав¹⁰.

⁸ «Вице-адмирал Корнилов». Сборник документов. М., 1947, стр. 96.

⁹ «Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Корнилова». Составлены А. Жандром. СПб., 1859, стр. 32—33.

¹⁰ Вскоре после заключения Парижского мира вел. кн. генерал-адмирал Константин Николаевич направил в морское ведомство секретную записку «О цели и значении русского флота», в которой были «изложены главные начала и соображения деятельности. . . морского управления». Записка учитывала уроки Крымской войны. Она определяла цели флота, распределение морских сил по театрам, их соотношение с флотами других морских держав. Документ, в частности, говорит о том, что для защиты развивающейся торговли России необходима морская сила, «которая, с одной стороны, решительно преобладала бы над флотами соседних второстепенных держав, а с другой — внушала бы большим державам то уважение, какое могло бы заставить их искать или союза с Россиею, или ее *нейтралитета* в войне их между собою, и принуждала бы их для борьбы с Россиею делать большие приготовления и подвергаться огромным издержкам. . . флот ея должен быть столько силен, чтобы никакое государство не решалось сделать внезапного покушения на берега ея» (ЦГАДА, ф. 126 (Воронцовы), д. 2249, лл. 3—4).

Передовые русские военно-морские деятели XVIII—первой половины XIX в. разрабатывали также важные вопросы стратегии и тактики, методы обучения и воспитания личного состава.

Существовавшему в XVIII в. в английском и других флотах взгляду о решающей роли блокады в действиях против морских крепостей адмирал Ушаков противопоставил свою точку зрения и правильность ее подтвердил успешным овладением французской крепостью на острове Корфу в феврале 1799 г. В борьбе за эту крепость были применены блокада, артиллерийский обстрел и десант. Блокада обеспечивалась развертыванием крейсерских действий на коммуникационных линиях французского флота и нанесением ударов по его базам.

Успешные действия русского флота против хорошо укрепленной крепости убедительно показали правильность и обоснованность тактических принципов осуществления блокады, теоретически разработанных еще Н. Г. Кургановым¹¹, у которого учились Ушаков, Сенявин и др. В работах Курганова содержатся также оригинальные мысли о том, что войска блокированной крепости должны применять активные методы борьбы с противником, измотать его силы и затем нанести им сокрушительный удар. «Обороняющие крепости войска, — писал Курганов, — не делая вылазки, подобны тем людям, кои, видя в доме у соседа пожар, об оном не пекутся и до тех пор не стараются его тушить, пока их дом не загорится»¹². Оборона крепости Каттаро и острова Тенедоса, организованная русскими моряками в 1806—1807 гг. под командованием Сенявина, в полном соответствии с этими идеями принесла блестящие результаты.

Принципиально по-новому русские флотоводцы решили вопрос и о генеральном сражении. В западных флотах того времени оно считалось универсальным способом достижения целей морской войны; роль десантов недооценивалась, а блокада рассматривалась только в качестве способа принуждения противника выйти в море и принять сражение. Передовые русские флотоводцы, напротив, рассматривали генеральное сражение в органической связи с другими боевыми дейст-

¹¹ Н. Г. Курганов. Книга морской инженер. СПб., 1777, стр. 255.

¹² Там же, стр. 268.

виями. Перед сражением у Тендровской косы 28—29 августа 1790 г. эскадра под командованием Ушакова проводила крейсерские действия у кавказских и у азиатских берегов. Оценивая эти действия, Ушаков писал: «Начиная от Синопа, обошел восточную сторону азиатских и абазинских берегов, господствуя при оных сильною рукою, заставил две части вышедших из Константинополя нынешней весной эскадры искать своего спасения, укрываясь под крепостями. . .»¹³

Во время крейсерских действий русские корабли наносили удары по судам противника и портам. Во время второй Архипелагской экспедиции русская эскадра перед Афонским сражением успешно осуществляла десантные действия (в частности, был захвачен остров Тенедос, на котором была создана база блокадных сил). Одновременно русская эскадра нанесла удары по турецким морским коммуникациям, предприняла блокаду Дарданельского пролива, нарушившую связь Турции с ее владениями. Успех сражения русское командование развивало путем преследования ослабленного в морском бою противника. Тот же прием применялся Ушаковым после всех сражений, которые русский флот выиграл в русско-турецкой войне 1787—1791 гг., а Сениным — во время второй Архипелагской экспедиции.

Ушаков и Сенин разработали наступательную тактику морского боя, основанную на сочетании маневра и огня. Они полностью отказались от тактических приемов линейной тактики, применявшихся на флотах в сражениях XVIII в. Взяв отдельные тактические положения у Павла Госта¹⁴ (возможность атаки только с наветренной стороны, равномерное распределение сил в линии баталии и артиллерийской атаке как основной форме удара и т. д.), английские и французские адмиралы превратили их в закоренелые и неизменные принципы ведения морского боя.

Несмотря на то, что боевая практика указывала на необходимость и порочность такой тактики, адмиралы английского и французского флотов упорно придерживались ее требований. Даже Нельсон не смог полностью вырваться из плена устаревших тактических представлений, которые

сковывали инициативу командиров кораблей и командующих соединениями, о чем свидетельствует весь ход Трафальгарского сражения¹⁵.

В соответствии с требованиями формальной линейной тактики в западноевропейских флотах маневр возводился в самоцель. Русская же тактическая мысль подчиняла маневр интересам нанесения сокрушительного удара по противнику. Принципу равномерного распределения сил и средств в бою она противопоставила требование сосредоточения усилий на главном направлении. Причем объект главного удара менялся в зависимости от тактической обстановки по фазам боя.

Здесь необходимо указать на то, что в течение сравнительно длительного времени в нашей литературе односторонне освещалось тактическое искусство Ушакова, его называли мастером нанесения удара по флагманским кораблям противника. Это обедняло представление о флотоводческом искусстве Ушакова и противоречило действительности. На самом деле тактика Ушакова характеризуется многообразием тактических приемов. Он всегда избирал такую форму боевых действий, которая наиболее отвечала обстановке. Если в сражении у Фидониси Ушаков действительно главный удар наносил по флагманам турецкого флота, то в Тендровском сражении удары наносились по авангарду и передовым кораблям кор-де-баталии (центра). В своем рапорте о бое Ушаков писал: «Во время сего сражения более всех разбиты неприятельский авангард и передовые кор-де-баталии, из которых

¹⁵ Действия Нельсона подверг резкой критике французский военноморской историк де ла Гравьер. Он писал: «Нельсон не имеет ни математической точности, ни глубокого анализа. . . Генерал, который принял бы тактику Нельсона наоборот, . . . превосходно бы подготовил поражение неприятельской армии». В другом месте французский историк отмечал, что если бы тактику Нельсона принять за руководство, «имея дело с флотом одинаково опытным, бесспорно значило бы стремиться к гибели». Только в результате плохой подготовки франко-испанского флота англичане сумели добиться успеха в Трафальгарском бою (де ла Гравьер. *Морские войны времен Французской революции и империи*, ч. II. СПб., 1851, стр. 156). Американский военноморской теоретик XIX в. А. Т. Мэхэн также подверг серьезной критике действия английского флота в Трафальгарском сражении. «Без сомнения, — писал он, — многое было решено случаем (имеются в виду слабая подготовка франко-испанского флота, безынициативность флагманов. — В. Д.) в этом хаосе и сумятице» (А. Т. Мэхэн. *Влияние морской силы на французскую революцию и империю*, т. 2. М.—Л., 1940, стр. 151).

¹³ «Адмирал Ушаков». Документы, т. I. М., 1951, стр. 172.

¹⁴ П. Гост. *Искусство военных флотов или сочинение о морских эволюциях*. СПб., 1764. Впервые работа была издана в Лионе на французском языке в 1697 г.

весьма претерпели адмиральский и капитан-паши корабли и бывшие близ оных»¹⁶.

Решительные цели, которые ставило русское командование в морском сражении, требовали применения соответствующих боевых порядков. Боевой порядок в каждом отдельном случае определялся с учетом наилучшего использования артиллерии кораблей и был подчинен решению основной задачи: нанесение наибольшего вреда противнику.

Боевые порядки, применявшиеся Спиридовым, Ушаковым и Сенявиным, создавали возможность маневренности действий, проявления разумной инициативы. Ушаков, например, разрешил командирам кораблей по сигналу флагмана выходить из линии и самостоятельно занимать место в линии. О своих взглядах по этому предмету Ушаков писал в одном из приказов: «Ежели кто, хотя бы из передовых, случатся от своих мест отделены, оных судов никому при построении ордеров не ожидать. . . а иттить каждому прямо в свое место, которые ж от своих мест отделены, места их заступать по очереди»¹⁷. Отдельные части эскадры в бою обладали большой самостоятельностью в выборе способа решения общей задачи. Свои действия они должны были соотносить с изменяющейся обстановкой. Особенно показательно в этом отношении маневрирование тактических групп в Афонском сражении.

Система воспитания и обучения в русском флоте, разработанная его передовыми представителями, коренным образом отличалась от унижавших и оскорблявших душу русского матроса методов, которые насаждали сторонники палочной дисциплины. Последним было, конечно, немало в армии и на флоте. Характеризуя порядки в русской армии, декабрист И. Д. Якушкин писал: «На каждом шагу встречались Скалозубы не только в армии, но и в гвардии, для которых было непонятно, что из русского человека возможно выправить годного солдата, не изломав на его спине несколько возов палок»¹⁸. Подобное отношение к рядовым подрывало самые основы боеспособности флота. Именно поэтому передовые русские адмиралы применяли систему обучения и воспитания, которая основывалась на уважении личности матроса.

¹⁶ «Адмирал Ушаков», т. I, стр. 298.

¹⁷ Там же, стр. 209.

¹⁸ «Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина». М., 1951, стр. 19.

Значение морального фактора показал Сенявин. «Не теснота делает болезни, а угнетение человека в духе. . . Без духа ни пища, ни чистота, ни опрятство не делают человеку здоровья. Ему надобен дух, дух и дух»¹⁹.

Прославленные русские адмиралы находили разумные методы для поддержания у матросов высокого боевого настроения, их активности. Ушаков, Сенявин и Головин безгранично верили в способности русского человека, в его сметку, находчивость и бесстрашие. Например, Сенявин требовал, чтобы офицеры интересовались особенностями психологического склада русского матроса и солдата. Он говорил, что офицеры «должны знать русского матроса, которому „спасибо“ дороже всего»²⁰. Еще более ярко эту мысль выразил знаменитый адмирал в своей инструкции командующему эскадрой Балтийского флота адмиралу Л. П. Гейдену (эскадра в 1827 г. отправлялась к берегам Греции): «Может случиться, что ваша эскадра будет употреблена на военные действия, то тем паче должны гг. командиры и офицеры приобрести к себе искреннюю любовь подчиненных, дабы с лучшей пользой употребить их в нужное время»²¹.

Большое внимание уделялось морской²² и боевой подготовке. Ушаков, Сенявин и многие другие добивались того, «чтоб всякий человек, когда не спросят, мог бы знать свою должность и место»²³. Боевая подготовка проводилась систематически. Ушаков и его талантливый ученик Сенявин сами

¹⁹ В. Гончаров. Указ. соч., стр. 115.

²⁰ ЦГАВМФ, ф. 227 (Сборный), д. 298, л. 15.

²¹ Там же.

²² Интересные соображения по этому вопросу высказал адмирал П. В. Чичагов, бывший в 1802—1807 гг. товарищем министра морских сил. Он писал, что на флот нужно набирать рекрутов только с приморских губерний, не менее пятой части их должны иметь возраст 10—15 лет. Уже до действительной службы, которую Чичагов предлагает исчислять с 18 лет, будущие матросы и мастерские должны получить физическую закалку и морские навыки. «Кораблеплавание, — говорится в записке Чичагова, — требует в определяемых на сию службу людях особой телесной способности и, так сказать, развязности и гибкости членов, в отношении ж оснастки судов и действия оными, требуется довольно времени на приучение к тому служащих. Люди в молодых тожко летах могут в желаемой степени совершенства приобрести подобные способности. . . и долговременностию приобретать должны необходимо нужное исправному матросу проворство или художнику искусство» (ЦГАДА, Госархив, разр. XXI, д. 2, дополнение. лл. 3—3 об).

²³ «Книга „Устав морской“. СПб., 1785, стр. 40.

проверяли знания матросов, особенно артиллеристов, так как видели в артиллерии основное и наиболее мощное для того времени оружие. В своем наставлении Гейдену Сенявин писал: «Слабые познания матросов, в особенности в обращении с артиллерией, поставляют нас в непременную необходимость как возможно чаще обучать их пушечной экзерции и довести до надлежащих успехов по сей части, ибо артиллерия решает победы»²⁴.

Корнилов и Нахимов, также придававшие большое значение артиллерии, разработали теоретические принципы обучения, важнейшими из которых являются: осмысленность и связь теории с практическими занятиями. Эти принципы особенно четко были сформулированы в приказе Корнилова по кораблю «Двенадцать Апостолов» от 19 мая 1843 г.: «Всякое искусство тогда только прочно вкореняется в ум и память человека и тогда только может быть применено им к разным обстоятельствам, когда обучение основано на рассуждении и понятии цели и назначения всего, к нему относящегося, то я и рекомендую гг. дечным командирам и вообще всем, обучающим нижних чинов обращению с орудиями, в продолжение учений уделять часть времени на объяснение цели и назначения как самого орудия, так и всех приспособлений для действительной и скорой пальбы из оного»²⁵.

Разумная требовательность, основанная на уважении человеческого достоинства матроса, сочеталась с постоянной заботой о его нуждах и запросах. Большое внимание уделялось питанию. «Необходимо, — писал Корнилов, — стараться при всякой возможности употреблять в пищу команды свежее мясо и зелень; последнюю, равно как и капусту, при случае заготавливать впрок. В море, как удобно, полезно ловить рыбу, чтобы разнообразить пищу»²⁶. Серьезное внимание уделялось организации отдыха. Во время плавания шлюпа «Камчатка» вокруг света Головнин организовывал матросскую художественную самодеятельность. Результаты заботы и внимания были превосходны: на кораблях, совершавших кругосветные плавания, почти не было потерь; матросы сохраняли здоровье и высокую дееспособность, а в морских боях они самоотверженно сражались.

²⁴ ЦГВАМФ, ф. 227, д. 298, л. 17.

²⁵ «Вице-адмирал Корнилов», стр. 60.

²⁶ Цит. по кн.: Б. Зверев. Вице-адмирал В. А. Корнилов. Симферополь, 1957, стр. 37.

Опыт кругосветных дальних плаваний сыграл огромную роль в разработке вопросов воспитания и обучения, а также вопросов мореходных и боевых качеств кораблей. Однако исследователи истории отечественного флота не уделяли этому до сих пор должного внимания. Между тем взгляды Головнина и Лазарева, Нахимова и Матюшкина на матроса как решающую силу в морском бою формировались в значительной мере во время кругосветных плаваний, сопряженных всегда с большими опасностями и трудностями. Во время этих плаваний русские офицеры знакомились с многими странами, в которых существовали иные общественные порядки, они видели также героическую борьбу народов Латинской Америки, которые самоотверженно боролись против испанского и португальского владычества.

Плавания не только расширяли кругозор русских морских офицеров, но побуждали их задумываться о судьбах своей Родины.

Выдающиеся деятели русского флота были тесно связаны с прогрессивными представителями общественно-философской мысли России. Так, Головнин поддерживал дружеские связи с многими декабристами. Он был особенно близок с Д. Завалишиным. «Меня и Головнина, — писал Завалишин, — сблизило общее негодование против вопиющих злоупотреблений и общее стремление к отысканию мер против них для правильного развития общественного и государственного быта. Мы сделали друзьями, насколько допускало огромное различие в летах. Я часто проводил у него вечера»²⁷.

Внимание Головнина привлекали свободолюбивые и антикрепостнические стихи А. С. Пушкина. В личном архиве выдающегося мореплавателя и военно-морского деятеля сохранились списки стихотворений великого поэта: «Послание цензору», «Ода на свободу» и эпиграммы²⁸.

Декабрист Бестужев был также многие годы связан узами товарищества с Нахимовым и Корниловым. Узнав о героической гибели прославленных организаторов обороны Севастополя, он написал из Сибири, где находился в ссылке, контр-адмиралу М. Ф. Рейнеке письмо: «Россия потеряла трех героев, черноморские моряки — трех славных адмиралов. Вы — одного из друзей (Нахимова. — В. Д.), а я — двух то-

²⁷ Д. Завалишин. Записки декабриста. СПб., 1906, стр. 49—50.

²⁸ ЦГВАМФ, ф. 7, оп. 1, д. 21, л. 139.

варищей моей юности (Нахимова и Корнилова. — В. Д.). С П. С. Нахимовым я был дружен еще бывши кадетом»²⁹.

Вместе с тем русская военно-морская теория впитывала в себя все то лучшее, что было достигнуто в области строительства флотов и их стратегического и тактического использования на Западе. Начиная с петровских времен, в России основательно изучали морское дело за границей. С таким же вниманием относились к иностранному опыту Курганов, Головин, Корнилов и другие военно-морские деятели России.

Русская военно-морская теоретическая мысль исследовала различные стороны флота как боевого организма. Она справедливо считала, что его боеспособность определяется многими факторами: морскими и боевыми свойствами корабля, качеством оружия, искусством ведения боевых действий, мастерством и моральным духом личного состава. Прогрессивные адмиралы и офицеры делали все возможное для развития и совершенствования всех его элементов. Эту замечательную идею единства и взаимосвязи различных факторов, определяющих боеспособность флота, его неразрывность с сухопутной армией, позднее развили выдающиеся русские флотоводцы Г. И. Бутаков и С. О. Макаров.

²⁹ «Адмирал Нахимов». Сборник документов. М., 1945, стр. 196.